

Красотка

Джина Лоллобриджида:
"Я никогда по-настоящему не любила кино".

Станислав Неупокоев

ЕСТЬ ЖЕНЩИНЫ, которым на пути к личному счастью и славе постоянно мешают их же собственный ум и гордость. Одни ими восхищаются, другие называют взбалмошными стервами. А как назвать Джину Лоллобриджида? Почти все её биографы (таковых, кстати, единицы – слишком тщательно она скрывает свою личную жизнь) не решаются чётко ответить на этот вопрос – мол, сами решайте и делайте выводы.

"С самого детства, – говорит Лоллобриджида, – я испытывала страсть к рисованию. Мои первые рисунки были опубликованы в детском журнале "Микки-Маус", когда мне было 13 лет. Кино оказалось довольно случайным занятием. Я была им заинтригована, но по-настоящему не любила. Так что при первой возможности вернулась к изобразительному искусству".

Джина не кривит душой насчёт того, что поневоле стала заложницей кинематографа. Если бы только за рисунки платили больше... Но она слишком хорошо помнила войну и не хотела голодать.

Вторая в семье девочка (всего у Джузеппе родились четыре дочери – сущее наказание для итальянца), появившаяся на свет 4 июля 1927 года в семье мебельщика из римского пригорода, оказалась на редкость миловидной. Впрочем, и остальные сёстры знали цену своей красоте – все довольно рано начали сниматься в киномассовках. Но из них одна только Джина не испытывала никакого страха перед кинокамерой.

Всё, что запомнилось от войны, – это разбомблённый дом, голод, бегство. Их обокрали на пути во Флоренцию. "Однажды, – вспоминает она, – мы так устали, что залезли в винные бочки, и это был самый крепкий сон в моей жизни". Сразу после войны семья вновь переехала в Рим. Здесь 18-летняя красотка без труда поступает в Школу искусств (филиал знаменитой Римской академии), копирует статуи и рисует портреты натурщиков. Её кумирами на первых порах становятся авангардисты – Де Кирико, Дали, Моранди. Но увлечение современными течениями было недолгим – она ненавидела "извращенцев". Второе увлечение, открывшееся в студенческие годы, – пение: она начала брать уроки оперного мастерства.

В послевоенной Италии необычайной популярностью пользовались конкурсы красоты, открывшие ворота в кино многим будущим звёздам. Через это сито прошли Лючия Бозе, Софи Лорен... В 1947 году Джина поддалась всеобщей моде и не прогадала: кинематографу требовались гругие брюнетки – грудастые, пухлогубые и длинноногие. На конкурс "Мисс Рим" пришло несколько тысяч претенденток, и в том числе чуть ли не весь университет. Под свист и гвалт публики жюри отдало Лоллобриджида только второе место. Зал встал и аплодировал ей 10 минут. Первую красавицу почти не заметили. Вопреки всем правилам, она попала на конкурс "Мисс Италия", где заняла третье место.

С первых же фильмов, куда её пригласили как "красотку", продюсеры распознали, с кем имеют дело. Куколка оказалась задиристой, острой на язык, непокорной. В ней хотели видеть Мисс Рим, а получили пейзажку из предместий. Не случайно её известность в киношных кругах началась с антифашистского полотна "Опасно, бандиты!". Кристиану-Жаку с его "Фанфаном-Тюльпаном" оставалось лишь заточить уже почти сложившийся образ. Так в 52-м на экранах появилась французская цыганка итальянского происхождения, всеевропейский секс-символ.

"Не дай мне Бог встретиться с такой красотой, – говорил впоследствии Годар. – Я вообще боюсь откровенной красоты. Её же невозможно организовать! Она заполняет собой всё пространство и съедает режиссёра вместе с его замыслом. Катрин Денёв ещё удаётся пережить, но Джину! Нет, слава Богу, что она мне не попала!"

Лоллобриджида, в свою очередь, признавалась, что чувствовала себя "как шимпанзе в клетке". Однако при таком внимании (когда она собиралась куда-то ехать, всякий раз к её дому во избежание пробок вызывали регулировщика) за всю свою карьеру она никогда не оскорбила ни одного папарацци или просителя автографов.

Личная жизнь складывалась непросто. "У меня была масса любовников, и до сих пор иногда случаются романы. Я очень избалована. Всю жизнь меня окружали поклонники и обожатели. Но муж у меня был один-единственный – врач, югослав. Господь Бог уберёт меня от множества неудачных замужеств", – признаётся актриса.

МАМА БЕЗ КОНЦА ПОВТОРЯЛА ДЖИНЕ: "Выходи замуж только за врача или за юриста. Без куса хлеба не останешься". Рассудительная дочь послушалась совета. Как раз на пике своей известности, в статусе Мисс Италии, она встречает врача-эмигранта, обещающего ей тихую жизнь в семейном кругу где-нибудь на юге. Милка Скофач был галантен, рассудителен, и ему было совершенно наплевать на фотографов и поклонников.

Джина тут же принимает предложение. Они тайно обвенчались в городке Терминильо и переехали в пригород Рима. Но одновременно с предложением руки и сердца ей присылают контракт от Витторио Де Сика. Это был единственный человек, который, по признанию самой Лоллобриджида, всерьёз увлёк её кинематографом и с которым ей не хотелось встать позади камеры и бить по рукам операторов. Начало бурного романа с Де Сика и первая трещина в отношениях с мужем наметились во время съёмки фильма "Хлеб, любовь и фантазия", побившего все мыслимые в то время рекорды проката. Джину приглашают в Голливуд, и мужу ничего не остаётся, как бросить свою работу и поехать с ней на правах продюсера. С тех пор его воспринимают только как "её агента". Кончилось всё, как и следовало ожидать, печально: Милка устроил бурную сцену и ушёл. Джина переселилась в Рим, где в одиночку воспитывала сына, названного именем мужа. В 72-м году Милка Скофач погиб в автокатастрофе. С этого времени Джина даёт обет безбрачия.

О бурных романах Лоллобриджида ходили легенды. О ней говорили, что она любит выпить и любит мужчин. Два самых её известных увлечения – Фидель Кастро, которого начинающая фотохудожница снимала в порыве революционных настроений, и первый кардиохирург Кристиан Барнард. Об этом, впрочем, мало что известно, – Джина ни с кем не обсуждала свою личную жизнь.

Лолло всегда существовала в условиях жёсткой конкуренции. С одной стороны с ней соревновалась Мэрилин Монро, с другой – более молодая (шесть лет разницы) Софи Лорен. Публика придирчиво сравнивала не дарование, а бюсты этих актрис.

В Голливуде Джина попробовала подружиться с Мэрилин Монро. Была на её съёмках (как раз тогда, когда Монро снималась в знаменитом эпизоде с развевающимся платьем), вела с ней светские беседы на вечеринках. Монро ей нравилась, но Джина вела себя по-женски ревниво и всем давала понять, что эта женщина – пустишка.

"Как-то я была с друзьями в моём номере в отеле "Бeverли Хиллз" и в окне напротив увидела невысокую блондинку без макиажа, с полотенцем на плечах. Она красила волосы. Я спросила у присутствующих, кто бы это мог быть. Все недоумённо пожали плечами. К окну подошёл мой пятилетний сын Милко и закричал: "Мэрилин, Мэрилин!" Это была она. Вскоре мы подружались, и я поняла, что за блестящей внешностью всемирно известной

кинозвезды скрывается простая, робкая и очень ранимая женщина. Если кто-то её обижал, она плакала, как ребёнок. Так было на одной вечеринке. Её кавалер вдруг исчез, не сказав ни слова. Мэрилин залилась слезами от огорчения... За время пребывания в Америке я хорошо познакомилась с настоящим Голливудом, а не с тем, что изображают в глянцево-журналах..."

Кого Джине точно не удалось обойти, так это Лорен. Софи жадно стремилась завоевать Голливуд, и на этом поприще снискала куда больше успехов, заработав первый в истории "Оскар" для итальянской актрисы. Возможно, триумф Лорен стал одной из причин того, что в начале 70-х Лоллобриджида покинула кинематограф и занялась фотографией, благотворительностью и скульптурой.

ЕСЛИ ОТКРЫТЬ ОФИЦИАЛЬНЫЙ сайт Лоллобриджида, который представляет её прежде всего как художницу, тут же наткнёшься на хвалебные отзывы директора Пушкинского музея Ирины Антоновой. А в числе лучших друзей звезды значатся Зураб Церетели и Илья Глазунов. Именно к Зурабу Лолло приезжала в канун церемонии вручения "Золотого орла", на кино она сегодня обращает мало внимания и не любит о нём говорить.

Москва для Джины стала любимым городом – только здесь её понимают как скульптора, только здесь она может увидеть примерно то же, что создаёт в своей венецианской мастерской: бронзовые реалистические фигурки, способные вырасти в семиметровых истуканов. Каждая её фигурка это и автопортрет (все лица – будь то Лайза Миннелли или африканские дети – на одно, Джинино, лицо), и кинопереживание. Совсем не случайно возникают подписи: "Моя Мэрилин", "Моя Миннелли" – это всё действительно её. Здесь есть своя аналогия с друзьями – в каждой статуе Церетели тоже запечатлён грузин Зураб. Так что не случайно они нашли друг друга: только в России вполне приличный, но всё же китч возведён в государственный статус.

Недавно Лоллобриджида привезла в Москву 38 скульптур (четыре из них, довольно внушительных размеров, были помещены во дворе ГМИИ). Это, по сути, её первая персональная выставка, хотя своим дебютом она считает ярмарку ЭКПО в Севилье, где была представлена работа "Жить вместе" (мальчик, парящий на орле). К скульптуре Джина подходит как к ювелирному украшению, разрабатывает цвет, фактуру, даже золотом по-

Молодые Джина Лоллобриджида и Жан-Луи Трентиньян.

крывает (например, телефон под кроватью Мэрилин или диадему на голове Паолины).

"Москва очень изменилась, – призналась она на открытии выставки. – Кажется, что попадаешь в Париж. Много света и цвета. Совсем другая страна. И здесь я чувствую свой второй дом".

На вопрос, собирается ли запечатлеть кого-нибудь из русских, уклончиво отвечает: "Сейчас я должна сделать портрет одного человека, который постоянно приходит в мою мастерскую и трогает скульптуры руками. Это Андреа Бочелли (знаменитый тенор, слепой от рождения. – С.С.). А вообще я не портретист, я передаю свои внутренние переживания".

Трудно ли создавать скульптуры? Работая над семиметровой "Эсмеральдой", Джина сломала два ребра. Каждый день она встаёт в восемь утра и идёт в мастерскую. Потом перерыв, потом опять мастерская до ночи. Постоянный спутник – внук Димитрий. Он и отливать помогает, и фотографирует то, что получилось.

В её планах – наращивать темп работ. После Москвы она намерена открыть ещё три экспозиции. Частенько ей, конечно, отдают выставочные залы за старые кинозаслуги, но французский орден и звание академика Флорентийской академии художеств – первые ласточки на пути признания Джины как художника.

ЛОЛЛОБРИДЖИДА СОБИРАЕТСЯ ПРОЖИТЬ примерно столько же, сколько её тётка – 112 лет. "Лет через двадцать, – говорит она без иронии, – подумаю об учениках".

Фото на обложку предоставил Capital's Eye

Встреча в Москве.